

ДИНАСТИИ  
РОССИИ



НИКОЛАЙ ДЕМИДОВ

# ДЕМИДОВЫ



Издательство АСТ  
Москва

УДК 94(092)(470)

ББК 63.3(2)-8

Д30

Серия «Династии России»

Дизайн серии Алексея Родюшкина

**Демидов, Николай**

Д30

Демидовы / Николай Демидов. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 320 с.: [16]. — (Династии России).

ISBN 978-5-17-167592-9

Род Демидовых начался с Никиты Демидовича Антюфеева. Простой тульский кузнец впечатлил царя Петра своим мастерством и стал одним из самых влиятельных людей своего времени. С ним и его потомками связано множество мрачных легенд, таких как, например, история о затопленных в подвалах рабочих, которым хозяин приказал чеканить фальшивую монету, или о том, как предприниматель сжег построенный по его же приказу дом, в котором до этого жил ведущий против него следствие чиновник. Со временем Демидовы стали настоящими аристократами и породнились с самыми знатными фамилиями Российской империи.

Среди них были чудаки, и франты, без оглядки сорившие деньгами, и знатоки науки, и щедрые благотворители, и прекрасные управленцы. Например, Прокофий Демидов отправил к пригласившему его на ужин зятю вместо себя поросенка, но при этом прекрасно разбирался в ботанике, а его дальний родственник Елим Павлович, славившийся своей расточительностью, превосходно играл в шахматы и вел переписку с ведущими гроссмейстерами. Дед Елима Павловича Павел Николаевич был курским губернатором и искоренил взяточничество среди подчиненных, а дочь Аврора стала роковой красавицей, сводившей с ума современников.

К сожалению, более поздние поколения некогда хватких промышленников отстранились от ведения семейного дела, в результате чего оно постепенно пришло в упадок. Установление советской власти лишило семью источника дохода и вынудило многих ее членов уехать в эмиграцию, однако в наследство России остались заводы, а также удивительные истории и легенды.

УДК 94(092)(470)

ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-17-167592-9

© Демидов Н., 2025

© ООО Издательство АСТ, 2025

*Acta non verba*

(«Дела — не слова»)

Гербовый девиз рода Демидовых

## Предисловие

**И**сторию Никиты Демидова можно считать одним из наиболее ярких «взлетов» беспокойной петровской эпохи. Волею судьбы и императора крестьянский сын стал одним из крупнейших российских промышленников. И если Петра Первого называли «железным императором» за его крепкую волю и неутомимость в делах и развлечениях, то Никиту Демидова можно было называть так без кавычек, поскольку на протяжении длительного времени он был монополистом в железоделательной области.

«Немаловажным положительным фактом приходится, по-моему, считать и то, что Демидовы ставили металлургию без иноземной помощи. Эта сторона дела у нас как-то вовсе забывается, а она ведь очень интересна и одна может поставить вопрос о Демидовых совершенно по-новому, — писал о Демидовых Павел Петрович Бажов, автор знаменитых уральских сказов. — Благодаря энергии Демидовых наша страна в короткий срок освободилась от импорта железа и сама стала экспортировать железо... Пора оценить деяния — именно деяния! — в том числе и колонизационные, с государственной точки зрения и показать первых Демидовых как сподвижников Петра. Причем надо еще подумать, найдутся ли среди этих сподвижников такие, кто мог бы встать в один ряд с Никитой и Акинфием Демидовыми»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Из письма Павла Петровича Бажова поэту и публицисту Алексею Александровичу Суркову, написанного в 1945 году в связи с выходом книги Евгения Федорова «Каменный пояс».

Слава подчас бывает односторонней, похожей на луч фонаря, который высвечивает одну сторону, оставляя другую в тени. За Демидовыми-промышленниками не очень-то и видны Демидовы-благотворители, а ведь на этом поприще представители славной фамилии сделали не меньше, чем в «железном деле». Известно, что на 1 августа 1841 года, то есть за сто сорок лет, прошедших с начала великих дел, общая сумма пожертвований Демидовых составила двенадцать миллионов сто тысяч рублей. Если кого-то эта сумма не впечатлила, напомним, что все познается в сравнении. В 1841 году пуд ржаной муки стоил сорок копеек, а за сорок рублей можно было купить хорошую лошадь. Столетием же раньше, в 1741 году, за пуд ржаной муки просили двадцать — двадцать пять копеек, а ездочная лошадь обошлась бы в двадцать рублей (но наиболее щемящее чувство вызывают старые цены на черную осетровую икру, которая в 1741 году шла по два рубля за пуд — эх, машину времени бы нам!). В России установлено два так называемых демидовских столпа — в Барнауле и в Ярославле. И если барнаульский обелиск напоминает о Колывано-Воскресенских заводах, основанных статским советником Акинфием Никитичем Демидовым в 1725 году, то ярославский, построенный на собранные горожанами средства, увековечил память Павла Григорьевича Демидова, основателя Ярославского Демидовского училища высших наук, предтечи современного Ярославского государственного университета, носящего имя Павла Григорьевича. А Прокофий Акинфиевич Демидов,

приходившийся Павлу Григорьевичу дядей, основал коммерческое училище в Москве, пожертвовал крупную сумму на учреждение Петербургского коммерческого училища и выдавал по сто тысяч рублей каждому создаваемому народному училищу.

К началу Первой мировой войны от былого могущества осталось немного: Демидовы сохранили контроль лишь над четвертью того, что имели раньше, а Октябрьская революция окончательно лишила их заводов и прочего недвижимого имущества, находившегося на территории бывшей Российской империи. Все проходит, как известно, но бесследно не проходит ничего.

Хорошее предисловие должно быть коротким, подобно описанию блюда в ресторанном меню. Задача предисловия — дать общее представление о книге и, конечно же, заинтересовать, побудить читать дальше. Если читатель увязнет в дебрях слов, а то и заснет, неровен час, то продолжения чтения, скорее всего, не последует... Но опасность увязнуть в дебрях слов вам вообще не грозит до самой последней строки, потому что автор придерживается старинного правила, согласно которому сложными должны быть образы, а не стиль повествования.

## Глава I

# Корни и почва

**О**чень хотелось бы отследить корни рода Антюфеевых-Демидовых до времен легендарного царя Гороха — интересно же, да и вдруг удастся откопать еще кого-то выдающегося? Вполне может оказаться, что никакие Демидовы не крестьянские дети и внуки, а потомки древнего боярского рода, захиревшего во времена Ивана Грозного или, скажем, Даниила Московского... Но чего нет — того нет, а давать волю фантазии во время работы над документальным повествованием нельзя, надо руководствоваться только фактами, а все предположения непременно сопровождать оговорками.

Итак, что мы имеем в отношении корней?

Да практически ничего. Известно, что главный из наших героев, Никита, сын Демидов, носил фамилию Антюфеев, которую историки переделали в «Антуфьев». Антюфеевых в Туле было достаточно, причем большинство их были казенными кузнецами. Казенные кузнецы были посадскими людьми, то есть горожанами, освобожденными от податей и повинностей в обмен на обязанность «делать оружейное и всякое другое государево кузнечное дело». Состояли они в Пушкарском приказе, который был аналогом современного Министерства

обороны. Казенные кузнецы делали оружие и доспехи, ковали инструменты и замки-засовы, подковывали лошадей, занимались ремонтом железных изделий, короче говоря, были на все руки мастерами. Ремесла в старину передавались по наследству, от отцов к сыновьям, которые сначала состояли при отцах и дедах «на подхвате» и постепенно овладевали мастерством. Обычные кузнецы, не состоявшие на государственной службе, завидовали своим «казенным» собратьям, у которых и статус был выше, и жалование от казны они получали — элита!

В одной из тульских «сметных росписей» за 1669 год упомянуто имя некоего Демидки Клеменова, казенного ствольного заварщика (так назывались кузнецы, изготавливавшие ружейные стволы из двух пластин, отсюда и заварщики, то есть сварщики). Если пойти назад по сохранившимся в архивах документам, то в сказке (списке) казенных кузнецов 1655 года можно найти такую запись: «Дементей Клеменов сын Антюфеив сам третий живы», за которой следует: «Клемен Деменов з женою и з детьми сам шест живы». Не удивляйтесь слову «живы» — сказка составлялась для оценки убыли населения в ходе недавнего «морowego поветрия». А если пойти вперед, то в списке тульских казенных кузнецов 1676 года отыщется «Демка Клеменов сын Антюфеев, у него сын Микитка». Вот, собственно, и вся родословная Никиты Демидови-

ча Антюфеева. Небогато? Как говорится — и на том спасибо.

Относительная малочисленность Антюфеевых в Туле второй половины XVII века наводит на мысль о том, что они были пришлыми, не успевшими пока что как следует расплодиться на тульской земле. Также в документах упоминается замочный мастер «Василий Клеменов сын Антюфеев». Вполне возможно, что это брат Демки-Дементя. Прочие «привязки» тульских Антюфеевых к Никите Демидовичу также носят предположительный характер. И о том, откуда явились в Тулу Клемен и Дементей Антюфеев, нам тоже неизвестно. Тульский историк-краевед Иван Федорович Афремов выводит корни Демидовых из села Павшино Алексинского уезда Тульской губернии и пишет в своем «Историческом обозрении Тульской губернии» о том, что Дементий «для усовершенствования себя в кузнечестве часто живал в Туле». Правда, откуда взяты такие сведения — не известно, как не известно нам ни об одном уроженце Павшина по фамилии Антюфеев, так что утверждение Афремова есть не более чем версия. Имеется и другая, связывающая Демидовых не с селом Павшино, а с Павшинской слободой, находившейся на окраине старинной Тулы (из соображений пожарной безопасности кузнецы селились и ставили свои кузни где-нибудь на отшибе).

Тем, кто заслуживает доверия и умеет располагать к себе людей, в Туле могут рассказать легенду о демидовском кладе. В бытность свою на Урале, Никита Демидов-де поиздержался настолько, что вспомнил о старой заначке, зарытой на берегу незамерзающего ручья в Павшинской слободе. Котел с золотыми монетами — недурно ли! Послал Никита за кладом верного человека, только тот был слаб на выпивку и разболтал о данном ему поручении крестьянину, встреченному на постоялом дворе в Туле. Крестьянин, не будь дурак, успел вырыть клад, пока демидовский гонец отсыпался, но вскоре заела его совесть. Часть украденного он отдал на постройку церкви в Павшино, а оставшееся отвез в Невьянск к Никите Демидову и повинился в содеянном. Никита раскаявшегося грешника, как и положено, простил и даже выдал ему сколько-то золотых монет «на разбогатеть». Вернувшись домой, крестьянин завел торговлю и действительно разбогател. Короче говоря, все остались в выигрыше: павшинцы получили новый храм с высокой колокольней, которую аж из Калуги было видеть, согрешивший было крестьянин покаялся, был прощен и разбогател, а Никита как-то выкрутился и без старой заначки, небось у царя Петра занял, да не отдал — цари долгов не требуют, им зазорно мелочиться. Так-то вот.

С демидовскими корнями мы закончили, пора переходить к той почве, на которой Никита Демидов

дов строил свою «Железную империю». Проще говоря, пора нам ознакомиться с состоянием железного дела в родном отечестве конца XVII века, накануне того, как царь Петр Первый, «проникнув горны недры», извлек из них «драгой металл»<sup>2</sup>. Как уже было сказано выше, все познается в сравнении, и, не будучи знакомыми с «было», мы не сможем по достоинству оценить «стало». Опять же, некоторые моменты нуждаются в прояснении, а то прочтет человек о том, что до Демидовых железо приходилось импортировать, и удивится — это же в какие деньги крестьянам топоры да лемехи обходились, не говоря уже о косах?!

Выручали так называемые сыродутные печи, в которых слои руды перемежались слоями древесного угля, а чтобы горело лучше, через «укладку» продували холодный, «сырой» воздух. В примитивном варианте сыродутная печь представляла собой вырытую в земле яму, а в усовершенствованном — сложенный из камня горн. Температуры, получаемой в подобной печи, было недостаточно для плавки чистого железа, но руда представляла собой сплав металла с различными веществами, а сплавы имеют более низкую температуру плавления. На выходе из железосодержащей руды получалась крица — комок

---

<sup>2</sup> Николай Петрович Николев, «Рондо. Блаженные памяти государю Петру Первому»: «Петр Велик!.. твои все кедры! Здесь проникнув горны недры, ты драгой металл извлек». — *Здесь и далее все примечания сделаны автором.*

металла, поры которого были забиты шлаком. Крицу называли «сырым» железом, но не потому, что она была получена с помощью «сырого» воздуха, а потому что она не годилась для дела, нуждалась в подготовке. Процесс очистки был механическим — крицу нагревали и ковали, словно бы выбивая из нее шлак. Дело было долгим и трудоемким, но иного способа превратить «сырое» железо в «дельное», годное для изделий, наши предки не знали. Для повышения прочности «дельное» железо могли насыщать углеродом посредством нагревания прокованных пластин в раскаленном древесном угле. Такое железо называлось «укладом», поскольку пластины укладывали на уголь. Из плотного «уклада» делались мечи, доспехи, топоры, косы-серпы, а рыхловатое «дельное» железо в основном шло на скобяные изделия. Импорт железа массового характера не носил — за границей (хотя бы в той же Швеции) его закупали для особых нужд, а в целом обходились своим. Разумеется, подобная кустарная металлургия не могла отвечать тем преобразованиям, которые замыслил Петр Первый. Последнему русскому царю и первому российскому императору металл требовался в больших количествах. И не только железо, но и его высокоуглеродистый сплав — чугун, который шел на изготовление пушек и пушечных ядер.

В 1696 году Петру доложили о том, что на Урале, в Верхотурском уезде, обнаружены богатые залежи магнитной руды, ныне называемой магнетитом.

Радостная весть была подпорчена ложкой дегтя — «плавить рудоплавильщики того магнитного камня не умели, а сожгли того магнитного камня два пуда и выплавили малое число: всего фунт без тринадцати золотников». «Фунт без тринадцати золотников» — это триста пятьдесят четыре грамма. Если из двух пудов сырья удастся выплавить триста пятьдесят четыре грамма железа, то такая «овчинка» явно не стоит выделки... Но ведь без железа никак не выжить, особенно с учетом стоявшей на пороге войны со Швецией, недаром же металл называют «хлебом войны».

Итак, железная руда у царя Петра имелась, оставалось найти «пекарей», которые станут стряпать из нее «хлеб» в нужных количествах.